

Культура в «мире, который во зле лежит», или к вопросу о новой грядущей цивилизации

*Светлана Лурье
(условно зима 2020-2021 года)*

Культура нашего времени – десятых годов XXI века – переходная. Это культура перехода в иную цивилизацию. Переход этот может что-то остановить, а нет, так современные изменения в культуре, накапливаясь, переведут ее в иное качество. Это качество связано с принципиально иным взглядом на человека, принципиально иной антропологией, которая господствует в обществе. Этот взгляд (я назову его основанным на примате эмпирического человека, человека, как он есть со всеми его страстями и пороками, ограниченными только некоторыми условными социальными рамками) имел мощное философское обоснование в прошлом, но философы его породившие поклялись бы, что не имели в виду такое в результате. И действительно, они не имели.

Начнем наши рассуждения с одного методологического замечания. Как мне представляется, дьявол кроется в коннотациях, а именно: идеи, являющиеся фактами общественного сознания, выступают не сами по себе, а в определенных ассоциациях. Поясним. Одна идея влечет за собой другую, логически с ней непосредственно не связанную, но которая по привычке мышления, сложившейся в ту или иную эпоху, мыслится в совокупности с первой так, как если бы одна действительно следовала из другой. Приведу такой пример. Во второй половине XIX века многие молодые люди загорались благороднейшей идеей служения народу. Но у очень многих из них эта идея связывалась с прогрессистскими идеями, что на практике вело к революционизированию народа. В принципе идеи прогрессизма и служения народу сами по себе не связаны, но дух эпохи состоял в том, что они ассоциировались. Теперь же сам прогрессизм породил ассоциации, от которых рад был бы избавиться.

Так и проблемы нашего времени так же связаны с ложными ассоциациями идей. Много говорят об обществе потребления, массовой культуре, которые отучают-де людей думать. Но массы народа и в любую эпоху не много думают. Другое дело, что в стабильные эпохи они живут в рамках традиций, порой достаточно глубоких и умных, на которые люди опираются. Но бывают эпохи, когда традиции рушатся. Наступает безвременье. Как правило, безвременье – это очередная смута, после которой прежняя традиция, видоизменяясь, укрепляется, происходит эволюция общества. Иногда это смена эпох, апофеоз чего-то – например, Декаданс, Римский мир периода упадка с последующим крахом, – после которого происходит смена цивилизаций. Но! Новая цивилизация тогда вызрела не на основании идеологем, гулявших среди разлагающегося общества поздней Римской империи, а вызрела почти незаметно в ее недрах как форма культуры, позднюю античность с ее свободой нравов и агностицизмом полностью отрицающая. Сейчас – иначе!

Хотя идет процесс, схожий с тем, что происходил в период Декаданса, но каков будет результат? Тут вопрос в ассоциациях идей, а именно: об ассоциировании набора идей, связанных с различными противоестественными проявлениями человека, включая противоречащие инстинкту самосохранения, с идеей прав человека, а через нее с прогрессом и научностью. Теоретически мы можем ожидать, что внутри нашей цивилизации содержатся совершенно неожиданные и противоречащие идеологемам безвременья, непрерывности времени, зародыши будущей цивилизации, как то было и в Древнем Риме. При этом и в Риме идеология времени упадка имела определенные философские основания. Древнегреческая философия породила софизм и агностицизм, которые привели к представлению о множественности истин, плюрализме мнений, отсутствию Истины с большой буквы, то есть чего-то или Кого-то, Кто есть на самом деле вне зависимости от того, какого мнения мы на этот счет придерживаемся. «И что есть

истина?» – устало-равнодушно-иронично спросил в свое время Пилат у Истины. Для него Истины не было, был плюрализм мнений. Эта доктрина родом из Афин. Значительный пласт древней цивилизации держался на ней и до того, когда она стала всеохватной в период Декаданса. Эта доктрина была осмыслена и по-своему проработана. Но все-таки далеко не так, как она проработана и систематизирована, возведена в принцип в современности. Поколения философов века – века! – осмыслили ее, разрабатывали, учитывали все нюансы, придавали привлекательный вид. И общественное мнение в прошлые века ее приняло. Современность только довела эту идеологию до логического конца.

Я говорю о гуманизме, который предполагает веру в то, что человек по природе хорош, что в нем плохое – только комплексы и наслоения, наследие несправедливости. Но это противостоит христианству, в котором эмпирический человек, человек как он есть – падший человек, – обладает дурными наклонностями, которые преодолеваются только в процессе преображения себя с помощью Божественной Благодати, то есть при коренном изменении человеческой природы. Гуманистическая парадигма имеет несколько коннотаций: одна из них – вера в прогресс, основанная на вере в то, что человеческую природу надо очистить от всего того, что ее травмирует в социальном смысле, то есть необходимо изменить общество. Отсюда – вера в возможность достижения справедливости. Отсюда и вообще вера в некую упорядоченность человеческого бытия, отсутствие неизбежного иррационального в самой природе человека, и в мире в целом. А из этого вытекает, во-первых, вера в познаваемость мира и возможность его рациональным путем преобразить (то, что называют верой в науку), а с другой, во-вторых, вера в права человека. То есть, в возможность предоставления свободы любым внутренним интенциям человека, если только они рационально (законодательно) не ограничены: «пусть расцветают все цветы», поскольку если человек не нарушает рационально принятые этические нормативы, которые сводятся к «живи и дай жить другим», то он всегда прав. Тут мы видим пример ассоциации идей: утверждение о доброкачественной природе человека, и да, но это в философии гуманизма не было связано с тем, что любая интенция человека, если она не несет определенный условными общественными нормами вред, – добро. Ибо гуманистическая концепция предполагает **естественную мораль**, некие естественные, согласующиеся с естеством человека, проявления, и их противопоставление противоестественному. Правда, гуманизм подразумевает при этом, что причиной последних является несовершенство мироустройства, а не греховность природы самого человека. Тем не менее, иногда понимание противопоставления естественного и противоестественного вполне отчетливо формулируется и в наши годы. Мне встречались возражения старых, **классических гуманистов**, например, против гомосексуализма, основанные именно на противопоставлении естественной морали и неестественной, и полагающих, что признание гомосексуализма относящимся к естественному – это отказ от гуманистической цивилизации. Отсюда делается вывод, что право на гомосексуальные отношения не должно относиться к правам человека, а только к определенным привилегиям, даруемым в виде исключения из естественного порядка вещей. Но такой построенный на логике классического гуманизма вывод встречается редко, чаще он подменяется **вульгарным гуманизмом**.

В этом же ряду противоестественных, признанных тем не менее естественными, парадигм, и воинствующий феминизм с его апофеозом аборт и права на свое тело, и стремлением к одностороннему доминированию, в том числе, через криминализацию харисмента и подавление неких природных – опять, по логике классического гуманизма, естественных гендерных проявлений – мускулинности и феминности, или иными словами, мужественности и женственности. Последнее серьезнее, чем кажется, поскольку способно привести к тотальной вражде в обществе – войне полов. К этому же ряду относится навязанное современным гуманизмом право на групповую культурную идентичность, которое разрушается мультикультурализмом, изначально одной из естественных в определенных ситуациях моделей межэтнического сосуществования, но которая, будучи глобализированной, превратилась в мощное оружие уничтожения Запада как христианской цивилизации. А произошло в идеологическом плане тут вот что: **право личности в определенной ситуации признали выше права коллектива**, то есть

право беженца переселиться в чужую среду и сохранять в ней свои обычаи выше, чем право этой среды защищать свою коллективную целостность.

Тут можно было бы говорить о некоторой избирательности в признании тех или иных прав личности, но причина тут скорее в том, что ситуативно были высвечены именно эти права. **Суть неогуманизма в признании любых прав личности, уже даже не всегда с оглядкой на «дай жизнь другим».** И, возможно, со временем эта система будет становиться все более всеохватной и все более эксплицитно артикулируемой. Теоретическая база под ней, пока еще фрагментарная, станет со временем системной, и будет выработана соответствующая **законченная философская система.** Но если построить ее на основании тезиса, который в ее основе лежит, а он прост по наглости: «Бога нет, и все позволено!» И да, в таком виде теория может остаться достоянием только единиц. Поэтому через ассоциацию понятий она будет-таки укоренена в классическом европейском гуманизме, из которого она и породилась, но который в своих лучших, но единичных представителях будет настаивать на том, что **произошло это через маленькую логическую ошибку.** В массе же своей **современные европейские гуманисты останутся замороженными неогуманистической коннотацией тезисов о праве на все свободные проявления личности,** когда они не нарушают уголовного кодекса, параллельно с декриминализацией все большего числа человеческих интенций, которые люди до сих пор считали преступными (как, к примеру, и педофилию).

В итоге мы будем иметь принципиально новую цивилизацию, построенную на новой антропологии. Ее важным атрибутом станет стремление к достижению бессмертия: через медицину ли, через синтезирование ли тела человека из сверхпрочных материалов. Но это само по себе вторично, уже хотя бы потому, что для тех, кто к элите не относится, это пока не является вопросом завтрашнего дня. Это просто фактор, относящийся к построению новой антропологии. **Суть новой цивилизации именно в стирании граней между естественным и неестественным.** Это, кстати, скорее, в ущерб гуманистической концепции, чем христианской. В христианстве есть праведность, а есть грех. И грех в известном смысле естественен, ибо падший человек совершает его исходя из своей падшей природы, добродетель же «высшее естественна», она достижима только Благодатью Божией. В гуманизме же есть **понятие нравственного закона,** которое иные проступки позволяет квалифицировать как естественные, но с превышением меры, заложенной нравственным законом (например, блуд, как удовлетворение естественной потребности общественно неодобряемым путем) и противоестественные (например, мужеложество, поскольку такой потребности у здорового человека нет).

В новой цивилизации будет повержен именно естественный человек: идеологема естественного человека, с которой европейская цивилизация прожила несколько веков. И в этом смысле уже все равно, будет ли создан искусственный интеллект или на сколько лет медики смогут продлить жизнь человеку. Сам интеллект самого обычного человека перестанет быть естественным в том смысле, в котором мы до сих пор это понимали. Он будет качественно другой, как у существа, мыслящего не в тех категориях, на которых построена наша культура. Вот нам трудно понять, как мыслили майя, так же совершенно иначе будет мыслить человек, относящийся к новой европейской цивилизации. И мы можем ожидать от него, чего угодно, любой неожиданности. Но это будет человек, не вписанный в гуманистическую антропологию, но выросший при этом корнями именно из классической гуманистической цивилизации.

Общество потребления – переходный этап. За ним, может быть, последует общество неких интеллектуалов. Но таких, что нынешний потребитель еще будет казаться символом уюта и милого глупого обывательства. Ибо, «если Бога нет, то все позволено».